

Вариации на русские мотивы в словацкой прозе XXI в.

Исторические и культурные связи между Словакией и Россией имеют давнюю традицию. Они проявлялись и продолжают проявляться как прямо, в форме разного рода контактов, так и опосредованно, в разных вариантах их художественного осмысления. Русские мотивы и персонажи, встречающиеся в словацкой прозе последних лет, выполняют определенные творческие задачи, которые ставит перед собой тот или иной автор. В реалистической литературе XXI в. русские персонажи представляют индивидуальные, исторически и психологически обусловленные типы; в их числе и политические деятели, и обычные люди. Время повествования относится, как правило, к прошлому, к периоду социализма. В них, в частности, затрагивается тема ГУЛАГа, воспроизводятся августовские события 1968 г. в ЧССР и картины последующих лет «нормализации». Примерами такого отражения русских мотивов и фигур могут служить произведения С. Ракуса, П. Ранкова, Й. Банаша. Использование русских реалий и тем в сфере постмодернизма дает иные возможности для своего воплощения, авторы отдают предпочтение преимущественно метафорической, иносказательной форме. Это иллюстрируют книги П. Виликовского, М. Гворецкого, Д. Майлинга. В них присутствуют аллюзии на русские образы и реалии, обусловленные присущей постмодернизму интертекстуальностью, используются приемы пастиша, палимпсеста, гротеска, абсурда.

Ключевые слова: *словацкая литература, связи, русская культура, реализм, постмодернизм, образы, мотивы.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.4.02

Образы и мотивы России традиционно встречаются в словацкой литературе со времен национального Возрождения вплоть до наших дней, что обусловлено как близостью и давними связями наших культур, так и реалиями исторического характера.

В литературе Словакии 2-й половины XX — начала XXI в. русские персонажи представлены чаще всего как эпизодические фигуры,

на которые ложится определенная смысловая и фабульная нагрузка. Они, как правило, выражают тот или иной тип, соответствующий общему, часто стереотипному, представлению о русском. Таковы, например, героические образы русских (советских) солдат или партизан, встречающиеся в словацкой военной прозе 1950–1960-х гг. (романы В. Минача, Р. Яшика, Л. Тяжкого). В изменившихся условиях 1990-х гг. это нередко отрицательные персонажи — «мафиози», мошенники и проч. с бывшего советского пространства (у В. Климачека, П. Пиштянека).

В романах XXI в. после некоторого спада вновь стали появляться и русские персонажи, и разного рода русские мотивы, причем индивидуальные, реалистические их черты и характеристики в ряде случаев уступают место аллюзиям на известные, ставшие клишированными образы и реалии, которые авторы используют в своих целях, творчески их трансформируя.

Русские в привычной функции более или менее реалистических героев представлены в книгах последних лет Станислава Ракуса, Павла Ранкова, Йозефа Банаша.

Так, русские персонажи встречаются в романе С. Ракуса (р. 1940) «Эксцентрический университет» (2008). Это и преподаватели из СССР, работающие в описываемом автором Прешовском университете в Восточной Словакии в период «нормализации», и многочисленные фигуры с псевдорусскими именами, которых повествователь, Виктор «Павлович» Бохня, вечный студент-филолог, нередко сравнивает с героями русской литературы XIX в. В их черед упоминаются и совсем мифические русские персонажи, вроде профессора Ивана Петровича Незвратова, который умер от пьянства и стал университетским привидением. «Муза» Бохни, молодая преподавательница Мария Петровна Голочникова, вдохновившая его на это русифицированное повествование, появляется в романе лишь в рассказах Бохни, лирическая тональность которых также исподволь окрашивается иронией: «При виде такого ее обаяния я порой даже забывал о своей любимой литературе XIX в. и только следил за тем, как нежно, кокетливо и в то же время стыдливо и смущенно открывает она свои уста, наполняя все помещение, как истинная русская, верно расставленными ударениями, совершенными гласными и редуцированными безударными, которыми нас в свое время тщетно терзал на фонетике и фонологии доцент Дзурник»¹. Большая часть книги состоит из стилизованных

¹ Rakús S. Excentrická univerzita. Bratislava, 2008. S. 8.

под слог классической русской литературы квазинаучных рассуждений студента Бохни, которого, как узнает читатель в финале, исключают из университета за «вольнодумство», «эксцентричное поведение» и «злоупотребление русской литературой»².

Иные типы русских представлены в романе П. Ранкова (р. 1964) «Матери» (2011). В центре повествования — история молодой словачки Зузаны Лауковой, интернированной в конце войны в СССР. Длинный ряд русских персонажей начинается с первой же сцены романа, когда после свидания с Зузаной погибает ее возлюбленный, молодой партизан Алексей. Основная же часть ее рассказа относится к годам заключения, к тяжелым испытаниям в ГУЛАГе, в «трудовом» лагере в Поволжье, куда она попала по ложному обвинению в предательстве. По ходу дальнейшего действия в романе появляется целая череда русских персонажей, чаще всего эпизодических, — это и следователи, и военные, и надсмотрщики, и заключенные, с которыми приходится общаться в лагере главной героине. «В нашей бригаде были воровки, спекулянтки и проститутки, но большинство женщин оказалось здесь не за какое-то конкретное преступление, а за то, кем они были»³. Из общей безликой и безымянной массы товарок по несчастью, мелькавших перед ее глазами, Зузана выделяет тех, с кем ее связали какие-то отношения — одни помогали ей, а другие представляли опасность. Они появляются в более развернутых эпизодах, названы по именам и наделены краткими характеристиками, как правило, сообщаемыми Зузане из уст более опытных, чем она, заключенных: «Вон те две, Таня и Елена, — кивнула головой Наташа, — убийцы, а еще — Песенка. Эта, как разойдется, колотит всех, кто под руку попадется. [...] А я — воровка в законе, — сказала она с гордостью. [...] Лизавета, в черной ушанке — троцкистка, террористка. А вон та, в коричневой шапке — Агафья, за попом замужем была. Его застрелили, а ее сюда сунули»⁴. Эти фигуры возникают и исчезают, сменяя друг друга. Единственный из русских персонажей романа, выполняющий в сюжете более важную функцию, — начальница лагеря, лейтенант Ирина Михайловна, проводившая здесь «воспитательно-трудовой эксперимент»: «Тот, кто хорошо работает, может и хорошо есть. И, возможно, даже доживет до досрочного освобождения»⁵. Ири-

2 Ibid. S. 170.

3 Rankov P. Matky. Bratislava, 2011. S. 54.

4 Ibid. S. 53.

5 Ibid. S. 47.

на сыграла в судьбе Зузаны большую роль, будучи одновременно и ее мучителем-тюремщиком, и спасительницей, усыновившей и тем самым спасшей ее родившегося в лагере ребенка.

Й. Банаш (р. 1948), автор большого числа политических и приключенческих романов и пьес, использует в своих произведениях фигуры русских, представляя в своих произведениях сцены с участием исторических лиц или общественно-политических деятелей, а в ряде случаев — обычных, «рядовых» советских граждан. Так, в романе «Зона энтузиазма» (2008) фигурируют не только принимающие политические решения руководители СССР. В центре повествования о последних двадцати годах социализма оказываются истории людей — и советских граждан, и словаков, — связанных между собой личными отношениями и воспоминаниями. В романе «Остановите Дубчека!» (2009) есть ряд сцен с участием Брежнева, Косыгина, Суслова. Советские политические деятели выступают в романе как литературные герои. Они не только произносят ожидаемые от них реплики: «Этот Дубчек нас обманывает! [...] А каков их памфлет?! Они назвали его “Программой действия!”»⁶ Автор по законам исторической беллетристики наделяет их вымышленными эмоциональными проявлениями: «Брежнев сел, выпустил изо рта табачный дым и швырнул на стол документы. [...] Он слушал и кивал, жадно затягиваясь сигаретой»⁷; «Брежнев побагровел, с трудом сдерживая ярость. [...] Он уже почти кричал»⁸. Если эти герои относительно статичны и действуют вполне предсказуемо в соответствии с известными историческими фактами, то безымянные русские персонажи и сцены с их участием выполняют роль остросюжетных узлов политического триллера. Таковы, например, эпизоды романа, связанные с арестом и интернированием Дубчека и других членов реформаторского руководства ЧССР в августе 1968 г. В мемуарах самого А. Дубчека («Надежда умирает последней», 1993), на материале которых во многом основывается Й. Банаш, разумеется, нет упоминаний об этих фактах. Это история (и эскиз биографии) «кудрявого солдата», застреленного своим же командиром за сочувствие к Дубчеку: «Солдат нервно курил, опустив глаза. На миг взгляды их встретились. Это был тот рыжий солдат, который хотел подать ему телефон. Он плакал, думая о своих учениках, которых теперь некому будет учить играть на скрипке. [...] Потом раздался

6 *Banáš J. Zastavte Dubčeka!* Bratislava, 2009. S. 164.

7 *Ibid.* S. 165.

8 *Ibid.* S. 224.

выстрел. Дубчек выглянул в окно и увидел лежащего на земле кудрявого солдата с простреленной головой»⁹. В соответствии с жанром триллера показан и эпизод якобы имевшего место несостоявшегося расстрела Дубчека где-то в Закарпатье, по дороге в Москву. Скупые характеристики военных, участвовавших в этой сцене, говорят о жанровой утилитарности этих фигур: «“Идите вперед!” — приказал майор. Они зашагали по направлению к отвесному краю карьера. [...] Второй солдат шел в двух шагах за ними. В это мгновение в кармане у майора захрипел передатчик. Он поспешно вытащил его и отошел в сторонку, чтобы не было слышно. Спустя несколько минут он вернулся. Выражение его лица стало совсем другим, он улыбался. “Ну, мы тут немного прогулялись, вам наверняка полезно было”, — почти оправдывался он»¹⁰.

Другой аспект данной темы — использование мотивов русской культуры в художественных произведениях последних лет. Они представлены чаще всего в постмодернистском ключе, еще сохраняющем свои позиции в словацкой прозе. Среди таких произведений следует назвать новые книги Павла Виликовского, Михала Гворецкого, Даниэла Майлинга.

В книгах П. Виликовского (1941–2020) нередко встречаются русские фигуры и мотивы. Однако даже при всей обстоятельности их характеристик они выполняют вспомогательную роль по отношению к сюжетной линии главного героя или к той или иной идее автора. Таков, например, безымянный русский эмигрант из романа «Первая и последняя любовь» (2013).

Характер и личность этого персонажа раскрываются не только в его собственном рассказе о своей юности, о пережитом во время Гражданской войны в России. Дополнительные штрихи вносит в его портрет автор: «Седовласому господину больше девяноста лет, он глуховат и почти слеп, но чем хуже он видит то, что перед ним, тем лучше — то, что уже позади. Память и язык ему еще хорошо служат»¹¹. В описании внешности старика выделяется благородство его облика, хорошие манеры: «Он происходит из старого, кажется, литовского рода, позднее обедневшего и обрусевшего. [...] До самой старости он сохранил необыкновенное достоинство в общении и поведении, всегда был гладко выбрит и тщательно причесан, никогда не повышал

9 Ibid. S. 208.

10 Ibid. S. 209

11 *Vilikovský P. Prvá a posledná láska*. Bratislava, 2013. S. 149.

голоса, не использовал грубых выражений. [...] Изысканные манеры были, пожалуй, единственным, что сохранилось у него от семьи»¹².

Виликовский подчеркивает правдивость, документальность повествования и аутентичность самого этого персонажа: «История, которую рассказывает в гостиной своего дома старый седовласый человек, так же правдива, как реален и этот человек»¹³. В противовес ему центральный герой-повествователь, историк Габриэль, записывающий рассказ старика — «вымышленный», придуманный автором: «Человек этот — не настоящий, это персонаж рассказа. Мы могли бы обозначить его как героя, но не сделаем этого, поскольку в нем нет ничего героического»¹⁴.

Функция русского персонажа в романе представляется двоякой. Квази-реалистичный, «настоящий» герой — по сравнению с выдуманным автором Габриэлем — носитель идеи истинности жизненных фактов и главенства читательского восприятия художественного произведения. Не менее важно для Виликовского в этом характере, наряду с его «русскими» чертами, и универсальное, общечеловеческое содержание, опыт «живого свидетеля исторических событий, повлиявших на весь XX век»¹⁵.

В названии одной из следующих книг П. Виликовского — «Повесть о стоящем человеке» (2017) (слов. «Príbeh ozajského človeka») — содержится намек на своего рода палимпсест: его фоном служит название книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» (1946), которая была переведена и издана в Словакии еще в 1951 г. под названием «Príbeh ozajstného človeka».

Под «толстым слоем краски» уже почти теряется связь с романом Полевого, сохраняя лишь намек на радикально противоположные качества героев своего времени, противоположные по знаку и по содержанию. Герой «Повести» Виликовского, по жанру скорее романа в дневниковой форме, — оставшийся безымянным рассказчик от первого лица, живущий в провинциальном городке в период «нормализации». Автор последовательно и мастерски стилизует свое повествование под разговорный, просторечный язык: герой записывает важные на его взгляд события своей жизни в привычной для него бытовой форме с использованием соответствующих лексических и грамматических

12 Ibid. S. 161.

13 Ibid. S. 139.

14 Ibid. S. 141.

15 Ibid. S. 158.

форм. Это обыгрывается и в названии книги: высокая самооценка героя выражена просторечным определением «ozajský» (вместо литературного «ozajstný»). «Стоящий человек» делает достойную, по его понятиям, карьеру от завхоза до «референта по особым делам» на предприятии, стараясь выслужиться и быть поближе к начальству: «Как стану особым референтом, так, значит, буду сидеть на совещаниях руководства всегда, а не типа как сейчас — только если позовут, когда им надо чего по моему участку, трудовая дисциплина там или отопление барахлит. А может, и на собрания их буду ходить»¹⁶. Он вступает в партию, потому что «им надо было пополнить ряды заместо тех, кого при проверках выкинули или вычеркнули, так не мог же я отказаться»¹⁷. Ради самоутверждения и роста он берется за «доверительные дела» в контакте с куратором из органов госбезопасности.

Русская тема присутствует в романе не только в названии-намеке, но и в виде эпизодического персонажа. Это старый маляр из бригады, которая под контролем героя-повествователя устраняла недоработки в новом здании учреждения. Общительный старичок рассказал о том, как попал в плен и сорок пять лет прожил в СССР: «В Союзе, там дай боже как пахать приходилось, не то коммунисты тебе покажут»¹⁸. Только после «распоряжения Сталина», бросив свою семью, он вернулся домой в Словакию. Повествователь, склонный к умозаключениям, делает свой вывод, также перекликающийся с авторской идеей «настоящего» или «стоящего» человека: «Раз этот тип прожил сорок пять лет в социалистической стране, а все еще остается при такой вот морали и взглядах, так это доказывает, что социализм можно спокойно себе объявить, а вот про социалистического человека сколько ни объявляй, его же сделать надо, а этого еще никому не удавалось, даже Сталину»¹⁹.

Чтобы показать свою образованность и не ударить в грязь лицом на свиданиях с миловидной коллегой Викторией, он рассуждает о книгах — и тут снова возникает русская тема, поскольку рассуждает он о «Войне и мире», замечая: «Это толстая книга, даже несколько частей, потому я ее не читал, а смотрел этот фильм американский, с такой красивой, миленькой артисткой. [...] Толстой — он всемирно известный и уважаемый писатель, такой философский, и “Анну Ка-

16 *Vilikovský P. Príbeh ozajského človeka*. Bratislava, 2014. S. 15.

17 *Ibid.* S. 21.

18 *Ibid.* S. 46.

19 *Ibid.* S. 47.

ренину” написал еще, со школы помню, как она под поезд прыгнула из-за несчастной любви, про это тоже фильм был»²⁰.

Свои записи в дневнике повествователь косвенно адресует сыну, чтобы в будущем тот узнал, каким «стоящим» и уважаемым человеком был его отец. В погоне за признанием своих достоинств он заводит служебную интрижку, заигрывается с гражданской бдительностью, донося уже на начальство, что приводит к краху и «карьеру», и семьи. Однако в финале он видит открывающиеся перспективы, получая новое задание от своего куратора — «приглядывать» за местным католическим приходом.

В романе «Райские радости миновали» (2018), последней книге недавно ушедшего из жизни писателя, Виликовский снова использует повествование от первого лица, но герой уже иной, близкий к более привычному для его книг условно автобиографическому рассказчику — зрелому интеллигенту, «готовому, полностью укомплектованному человеку, к которому уже нечего добавить»²¹. Он вспоминает ностальгические моменты прошлого, своего друга и альтер эго Ивана, автора афоризма, ставшего рефреном романа: «Былые райские радости миновали, да ведь и мы не те, что прежде. Все когда-нибудь проходит»²². Столь же часто звучит еще один рефрен, которым начинается и заканчивается книга: «Все пройдет. Вечен лишь “Танец с саблями” Арама Хачатуряна из балета “Гаянэ”»²³. Русские (советские) мотивы — это своего рода культурный фон, часть литературного материала из творческой лаборатории П. Виликовского, по праву считающегося самым ярким представителем словацкого постмодернизма.

Элементы постмодернизма использует в своем творчестве и М. Гворецкий (р. 1976). Роман «Тролль» (2017) написан в духе характерных для этого автора антиутопий и альтернативных историй («Плюш», 2005, «Таити», 2019 и др.). Это десятая по счету книга писателя, о которой критика высказывала самые разные суждения, давая ей в целом положительную оценку: «В книге “Тролль” мы находим старый добрый авторский почерк. [...] Мы оказываемся в знакомом нам мире Гворецкого, который внезапно и зловеще врастает в повседневную реальность»²⁴; «Михал Гворецкий — вероятно, самый видный

20 Ibid. S. 78.

21 *Vilikovský P.* RAJc je preč. Bratislava, 2018. S. 26.

22 Ibid. S. 284.

23 Ibid. S. 10.

24 *Šaková J.* V (nie iba) Hvoreckého svete // *Romboid*. 2017. № 8. S. 18.

представитель жанра альтернативной истории в словацкой литературе. [...] Он развивает традиции и наработки разных видов фантастики — это сайенс-фикшн, фэнтези, киберпанк, технотриллер»²⁵.

Герой романа живет на окраине Империи, в провинции, образовавшейся в результате мировой Гибридной войны из нескольких бывших центральноевропейских государств, захваченных в результате экспансии агрессивным восточным соседом. По описанию, столица провинции, Черная Дыра, — это бывшая Братислава с широкой рекой, крепостью Градом на холме и пустырями на месте исторических зданий. Иносказательно говорится и о России будущего — Империи: «В детстве я представлял себе Империю как сказочную страну, где милые люди охотно вам помогают и говорят звучно, как в учебниках близкого, но такого трудного иностранного языка»²⁶. Но в реальности расширившаяся Империя — это диктатура вождя-отца, а потом вождя-сына с подавлением свобод, преследованием инакомыслящих, коррупцией, низким уровнем жизни, где почти все было запрещено, в том числе и Интернет, от которого остался один правительственный канал.

Герой с юности увлекается имперской культурой, по самоучителю изучает язык, «проглатывает русскую фантастику, фильмы и книги из Империи»²⁷, мечтает об Анне Карениной и Наташе Ростовой, выбирает в университете специализацию «русский язык и литература», где лекции читает свобододлюбивый профессор по имени Евгений Никакой, который «учил студентов творчески мыслить»²⁸. Главки романа, как правило, начинаются с эпиграфов — цитат из Достоевского, Пушкина, Солженицына, Брюсова, Бердяева, а также (в зависимости от дальнейшего повествования) — из высказываний Брежнева, Лигачева, Путина.

В центре сюжета — разразившаяся в стране информационная война, в которую включается герой вместе с единственным другом — бунтаркой Йоганной, увлекающейся наркотиками и русской научной фантастикой. Они разрабатывают и реализуют опасный план борьбы с центром информационной войны — фабрикой троллей, сами становясь элитой в этой преступной подрывной организации. В итоге герой окончательно и буквально теряет свое лицо, проредавав радикаль-

25 Halvonik A. Trolovanie o trolovaní // Romboid. 2017. № 8. S. 20.

26 Hvorecký M. Trol. Bratislava, 2017. S. 26.

27 Ibid. S. 39.

28 Ibid. S. 74.

ную пластическую операцию, чтобы спастись от постоянной травмы. В финале он снова обращается к русской теме, иносказательно говоря о собственном внешнем уродстве: «В одном русском романе сумасшедший аристократ, любуясь трупом своей возлюбленной, уже с признаками тления, твердит, что и на солнце бывают пятна»²⁹. Русская культура служит и в сознании героя, и в романе в целом известным противовесом бездуховности и ненависти, охватившей общество альтернативного будущего.

Еще одну возможность рассмотреть функцию русской темы в современной словацкой прозе дает книга Д. Майлинга (р. 1980) «Русская клазика» (2017). Драматург Словацкого национального театра, автор комиксов, он издал свою первую прозаическую книгу, представив ее как антологию рассказов, написанных литературными рабами — фальсификаторами произведений русских классиков. В соответствии с жанром мистификации книга снабжена и «документальными» свидетельствами — предисловием и «интервью» редактора с опустившимся словацким литератором, автором второсортной беллетристики, производство которой якобы налажено в Китае наряду с производством поддельной электроники: «Достоевски, Толстози, Тооргенеф — дешевая подмена истинных литературных ценностей для людей, которые не могут позволить себе читать настоящую, рассчитанную на требовательного читателя русскую классику»³⁰. Русская тема реализована здесь в виде пастиша, литература и фигуры писателей используются как фон, материал и инструмент для стилизации одиннадцати представленных в «Антологии» рассказов. Вторая ее функция — это пародийное обыгрывание в абсурдной ситуации «вечных тем» русской литературы — смерти, любви, смысла жизни. «Герои» рассказов — и писатели-классики (Крылов, Чехов), и вымышленные советские, русские писатели. Так, два рассказа («Искусство любить» и «Невнимательный») повествуют о любовных драмах Ивана Андреевича Крылова, «самого непонятого писателя в истории литературы»³¹, поскольку сам он считал себя автором реалистических рассказов о жестокостях жизни, а не легковесных басен для детей. Его домашнее окружение — ближайший друг и задушевный собеседник такса Дмитрий Федорович, горничная Аграфена, «индюшка в расцвете лет»³², и образован-

29 Ibid. S. 165.

30 *Majling D. Ruzká klazika*. Bratislava, 2017. S. 5.

31 Ibid. S. 16.

32 Ibid. S. 41.

ная барышня-интеллектуалка курица Надежда Семеновна, в которую безнадежно влюблен писатель. Сюжет заканчивается трагедией: пес Дмитрий из ревности задушил курицу Надежду и сдался властям, чтобы закончить свои дни в Сибири. А «Крылов еще несколько месяцев пролежал в постели, горяя в равной мере и по любви всей своей жизни, и по лучшему другу»³³. В таком же духе псевдореализма с налетом абсурда выдержаны и другие рассказы «антологии». В их темах и стилистике просматриваются аллюзии на Достоевского, Толстого, Чехова, Солженицына, Сорокина.

Русские мотивы в словацкой прозе последних лет ушли, по преимуществу, в сферу постмодернизма с его интертекстуальностью, приемами пастиша, палимпсеста, гротеска, в область общекультурного фона. В реалистической же струе словацкой прозы сейчас не так просто найти их использование, поскольку она нацелена на современную проблематику словацкой действительности, межличностные отношения, социально-психологические аспекты. От воплощения русской темы в персонажах, как это было в литературе XX в., писатели перешли к ее «утилитарному» использованию в метафорической, иносказательной форме, где она оказывается весьма функциональной и дает различные возможности для своей реализации.

Источники и литература

Banáš J. Zastavte Dubčeka! Bratislava: Ikar, 2009. 360 s.

Halvoník A. Trolovanie o trolovaní // Romboid. 2017. № 8. S. 19–20.

Hvorecký M. Trol. Bratislava: Marenčin PT, 2017. 168 s.

Majling D. Ruzká klazika. Bratislava: OZ Brak, 2017. 120 s.

Šaková J. V (nie iba) Hvoreckého svete // Romboid. 2017. № 8. S. 17–18.

Rakús S. Excentrická univerzita. Bratislava: Koloman Kertész Bagala, 2008. 232 s.

Rankov P. Matky. Bratislava: Ryba, 2011. 248 s.

Vilikovský P. Prvá a posledná láska. Bratislava: Slovart, 2013. 198 s.

Vilikovský P. Príbeh ozajského človeka. Bratislava: Kalligram, 2014. 201 s.

Vilikovský P. RAJc je preč. Bratislava: Petrus, 2018. 287 s.

33 Ibid. S. 23.

References

- Banáš, J. *Zastavte Dubčeka!* Bratislava: Ikar, 2009, 360 s.
- Halvoník, A. "Trolovanie o trolovaní." *Romboid*, 2017, № 8, s. 19–20.
- Hvorecký, M. *Trol*. Bratislava: Marenčin PT, 2017, 168 s.
- Majling, D. *Ruzká klazika*. Bratislava: OZ Brak, 2017, 120 s.
- Šaková, J. "V (nie iba) Hvoreckého svete." *Romboid*, 2017, № 8, s. 17–18.
- Rakús, S. *Excentrická univerzita*. Bratislava: Koloman Kertész Bagala, 2008, 232 s.
- Rankov, P. *Matky*. Bratislava: Ryba, 2011, 248 s.
- Vilikovský, P. *Prvá a posledná láska*. Bratislava: Slovart, 2013, 198 s.
- Vilikovský, P. *Príbeh ozajského človeka*. Bratislava: Kalligram, 2014, 201 s.
- Vilikovský, P. *RAJc je preč*. Bratislava: Petrus, 2018, 287 s.

Liudmila F. Shirokova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Variations on Russian motifs in Slovak prose of the 21th century

The historical and cultural ties between Slovakia and Russia have a long tradition. They manifested themselves and continue to appear both directly, in the form of various kinds of contacts, and indirectly, in different versions of their artistic understanding. Russian motifs and characters found in the Slovak prose of recent years, perform certain creative tasks that the author sets for himself. In the realistic literature of the 21st century, the Russian characters represent individual, historically and psychologically determined types that include both politicians and ordinary people. The time of narration usually refers to the past, that is, to the period of socialism. Particularly, they dwell upon the topic of the Gulag, the August events of 1968 in Czechoslovakia and reproduce pictures of the subsequent years of "normalization". Examples of such a reflection of Russian motifs and figures are the works of S. Rakus, P. Rankov, J. Banaš. The use of Russian realities and themes in the literature of postmodernism gives other possibilities for its embodiment. The authors prefer a predominantly metaphorical, allegorical form. This is illustrated by the books of P. Vilikovsky, M. Hvoretsky, D. Majling. They contain allusions to Russian images and realities, conditioned by the intertextuality inherent to postmodernism, and use techniques of pastiche, palimpsest, grotesque, and absurdity.

Keywords: *Slovak literature, communications, Russian culture, realism, postmodernism, images, motifs.*